

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Периодизация. Мировая история

В прошлой лекции мы начали рассказ о том, как пишется история. Мы показали в какой степени круг источников определяется вопросами, поднимаемыми историками. Мы также указали на не однозначность таких понятий, как событие и факт, не воспринимаемые, как это было в XIX веке, за объективную и бесспорную единицу исторического прошлого. В заключение мы подчеркнули существование внутренней связи между историей и литературой. Эти два вида творчества действуют друг на друга и взаимообогащают друг друга.

В этой лекции мы затронем две важные проблемы в написании истории – проблему хронологии и периодизации; и связанную с ней проблему создания всеобщей/всемирной/глобальной истории.

Начнем с хронологии и периодизации.

В разных культурах социальное, историческое время воспринимается по-разному, по-разному происходит и отсчет. Существуют культуры, воспринимающие время линейно, как непрерывный движущийся поток, в который, как в пресловутую реку Гераклита, дважды войти нельзя. Такие сообщества часто начинают с некоего момента ноль – с основания Рима, рождения Иисуса Христа, переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину.

В линейном представлении о ходе исторического времени нередко присутствует и образ назначения, то есть цели всего этого хода. Для христиан и мусульман движение времени подчиненно цели имманентности Страшного суда, или пришествия царства Божьего. В марксистском прочтении целью линейного хода времени является появление бесклассового общества, что ознаменует собой конец истории как таковой. Такая интерпретация называется «телеологической», то есть интерпретацией, где события обретают смысл, в зависимости от их вклада в реализацию конечной цели. Можно даже сказать, что лишь невидимая, но умозрительная цель, делает события видимыми.

Но время может восприниматься и циклично. В Китае, скажем, каждая династия проходила определенный (и единый для всех) процесс становления, утвержденный волей, или мандатом, небес. Династии появлялись, расцветали, входили в полосу упадка и гибли, и каждая из них формировала замкнутое хронологическое пространство со своим начинающимся с воцарения основателя династии временем.

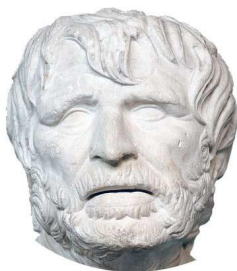

Friedrich Nietzsche.

Греческое представление о времени также можно охарактеризовать, как цикличное, но в отличном от китайского варианте. Несотворенный космос, вечно существующий, проходил через эпизоды внутреннего разрушения и возрождения, что приводило к повторению событий. В дальнейшем подобное видение времени легло в основу идеи немецкого философа и филолога Фридриха Ницше о «вечном возвращении», идеи о том, что то, что есть и будет, уже было, идее, совершенно парадоксальной и поэтому непонятой в контексте широко распространенной в эпоху Ницше веры в непоколебимый ход прогресса.

Что обуславливает появление той или иной концепции времени, и как эти концепции, впитанные представителями следующим им сообществ, влияют на создание цельных повествований о времени? Есть ли способ перехода или перевода опыта, обусловленного одним пониманием времени, на концептуальный язык, вышедший из другого понимания времени? На эти вопросы история, социология и антропология пытаются найти ответы на протяжении последних ста лет.

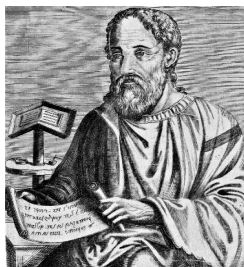
Восприятие исторического времени – будь оно линейное или цикличное – ставит перед историком проблему периодизации, то есть деления этого времени на этапы и эпохи в развитии предмета исторического исследования. Суть этой проблемы заключается в том, что периодизация является абсолютно незаменимым инструментом в упорядочивании и анализе исторических событий, но, будучи таковой, она всегда полна условностей. В первую очередь она базируется на видении истории как непрерывного и единого процесса с ограниченным количеством главных действующих лиц. Периодизация также подразумевает возможность проведения в этом непрерывном процессе неких условных границ, символизирующих качественный переход от одного состояния к другому. В этом чувствуется порочный круг: элементы, на основе которых вычленяются отдельные периоды, потом и выискиваются историками, изучающими эти периоды.

Конечно же, выбор каких-то определяющих эпоху элементов остается за исследователем. Этот выбор говорит о принимаемом исследователем смысле исторического движения как такового.

К периодизации всей истории прибегали уже древние греки. Так, Гесиод в VII веке до нашей эры писал о четырех прошедших веках — золотом, серебряном, бронзовом и железном.

Спустя века христианские Отцы Церкви выдвинули две большие системы периодизации всемирной истории. Следуя одной системе, предложенной Евсевием Кесарийским и Иеронимом Стридонским, мировая история складывается из следующих одна за другой четырех империй. Римская империя была последней из них, закрепившей политическое единство человечества, и подготовившая тем самым почву для единства религиозного.

В соответствии с другой схемой, предложенной Августином, история делилась на шесть периодов, что символически соответствовало шести дням творения, а также шести стадиям взросления и старения человека. Последний период, начавшийся с рождения Христа, должен был привести человечество к Страшному суду. Предполагалось, что каждый из периодов занимает ровно 1000 лет, что и объясняло ожидание в Европе в 1000 году конца света. Конца не наступило, но периодизация, тем не менее, себя не дискредитировала.

Понятие исторической эпохи, свободной от религиозной телеологии (или эсхатологии), то есть свободной от ожидания неизбежного конца света, сложилось во времена Возрождения и Реформации. Пессимистическому взгляду на историю как на движение к страшному суду гуманисты противопоставили видение, согласно которому классическая цивилизация, отождествленная с древним миром, сменялась христианской. В XVII веке появилась идея «трехчленной истории», поместившей в промежутке между древней и новой историями «средние века». Этот образ истории как триптиха и стал доминирующим в Европе на долгое время, отражая возросшее чувство уверенности светского общества в своих силах и в прогрессивном ходе времени в целом. В отличие от гуманистов Ренессанса, с ностальгией обращенных к античности, для историков Просвещения «Новое» было лучшим уже по определению. «Лучшей» была и Европа, и именно поэтому оптимистическая модель движения от древнего к новому, от темных средних веков к Просвещению и торжеству разума с легкостью применялась к другим регионам, чтобы подчеркнуть их отсталость от европейского идеала.

В XIX веке популярными становятся модели, основанные на развитии экономики и науки. Так марксисты предложили известную всем советским школьникам пятичленную схему, объясняющую динамику общественно-экономических формаций: первобытно-общинный строй сменялся рабовладельческим, за ним следовали феодализм, капитализм, чтобы в конце наступил долгожданный коммунизм.

Огюст Конт, основатель философского позитивизма, сохранив трехступенчатую периодизацию, переименовал ее на собственный лад: теологическая стадия мышления, где люди воображали себе антропоморфных богов, предшествовала начавшейся с научной революции метафизической стадии, а за метафизической начиналась позитивная стадия.

В двадцатом веке была предложена отчасти вдохновленная марксистским анализом теория модернизации. Следуя ей, общества проходят стадии от доиндустриальных к индустриальным, а затем и постиндустриальным.

Эта схема позволяет говорить о неединовременности развития регионов. Она, как и любая периодизация, подразумевает существование единого, нормативного для всех регионов исторического пути развития.

Эти схемы также позволяют говорить и о якобы «ненормальных путях» развития, что и было сделано немецкими историками в 50-х и 60-х годах, чтобы объяснить появление в немецком индустриальном обществе такое явление, как нацизм.

Общая для всех регионов периодизация тесным образом связана с амбициозным историческим проектом написания всеобщей истории человечества. Необходимой предпосылкой для реализации этого проекта является утверждение цели в истории, что позволяет отделить главных действующих лиц от второстепенных.

Именно это и наблюдается в попытках написания большой истории, предпринятой отцами церкви: в центре внимания стоит «богоизбранный» народ, сохраняющий веру, несмотря на различные испытания до апокалипсиса в соответствии с «Божественным провидением».

В новое время, схемы всеобщей истории подразумевали существование целостного всемирно-исторического процесса на иных основаниях – через развитие мирового духа или прогресс универсального разума. Европа, как уже было сказано выше, выступала «образцом» мирового процесса; развитие же остальных регионов описывалось и оценивалось по мере близости или отклонения от данной нормы.

Европа также явила миру основного агента истории – национальное государство. Мировая история превращалась в долгий процесс оформления людских сообществ в отдельные нации. Преимущество этого подхода заключалось в том, что каждая «нация» отражала общий процесс на своем уровне; нации становились микрокосмами исторического мира.

Однако в дальнейшем возможность написания всеобщей истории начала утрачивать привлекательность. Отчасти это происходило благодаря усложнению и специализации истории. По мере изучения области, находящейся за пределами традиционных исследований, историки начали понимать, что в попытках втиснуть региональные истории в прокрустово ложе мировой истории, они теряют из вида больше, чем приобретают. Всеобщей истории противопоставляют истории отдельных культур и цивилизаций, самодостаточных и не служащих ступенями или стадиями в общемировом прогрессе. Все это позволило не только лучше изучить опыт незападных регионов, но и ослабить позиции интеллектуального евроцентризма вообще.

С фрагментацией всеобщей истории на локальные истории культур под вопросом оказались и исходящие из европейского опыта схемы периодизации. Стало ясным, что деление на древний мир, средние века и новое время не применимо к опыту Китая или Индии. Хотя до сих пишутся книги и преподаются курсы о Южной Азии раннего средневековья или о Китае на пороге нового времени.

Если идея всеобщей, единой для всех истории отошла на второй план, то проект написания всемирной истории оказался весьма живучим. Концепции новой всемирной, или миросистемной, истории отличаются от привычных схем линейного развития и прогресса. Вместо этого они утверждают принципы взаимозависимости.

В своем стремлении связать регионы в глобальную историю исследователи часто обходят стороной воспринимаемые ранее едва ли не как объективные границы между государствами, чтобы выйти на другие явления, соединяющие сообщества в мировую общину: новые глобальные истории чаще базируются на истории торговли, движениях людей и идей, биологическом обмене и т.д. Процессы глобализации заставляют историков искать прецеденты в прошлом, не забывая при этом, что каждые из регионов переживали и переживают «мировые явления» по-своему.

Стремление увидеть большое в малом дает специалистам в области макроистории возможность по-новому интерпретировать содержание привычных понятий: «Европа», «Латинская Америка», «Африка», «христианский мир», «исламский мир», «человечество». И их роли во всемирном историческом процессе. Происходит то, что историк Дипеш Чакрабарти назвал «провинциализацией Европы». Это означает отход от евроцентристского взгляда, в соответствии с которым западные регионы обретают статус исторических субъектов по мере вхождения в европейскую сферу влияния.

А также пересмотр и переработку концептов, появления которых было обусловлено европейским опытом. Провинциализация Европы не значит замену Европы другой нарративной осью, вокруг которой будет вращаться остальной мир. Скорее это должно привести к демонтажу иерархий и признанию обособленности и уникальности исторического опыта отдельно взятых регионов, их связь друг с другом.

Данный подход усложняет картину прошлого, создав возможность распознавания многочисленных альтернатив условному «нормальному ходу событий». Более того, он лучше вписывается в современный контекст глобализации и многополярности.

Последнее в очередной раз указывает на теснейшую связь между функцией и написанием истории с одной стороны и определяющими структурными элементами настоящего – с другой стороны.

Мы заканчиваем с вами презентацию материалов второй главы книги «История исторического знания». Мы поставили в центр нашего внимания саму практику написания исторического повествования. Показали эволюцию понятия «исторического источника». Так, если в эпоху появления истории как дисциплины под источником понимались письменные документальные свидетельства, то теперь, как выразился историк школы Анналов Марк Блок, источником может быть все, к чему прикасается человек.

Кроме того, мы подвергли анализу такие базовые понятия, как «событие» и «факт».

Если прежде эти понятия воспринимались как данность, результат «наблюдения», то теперь мы признаем активную роль историка в конструировании как события, так и факта о нем.

Затронули мы и такие проблематичные области в практике написания истории, как хронология и периодизация. Без них историк не может обойтись, но он не должен терять из виду их весьма условный характер. В противном случае он может стать заложником готового нарратива.

Наконец, мы попытались деконструировать представление о том, что история, в отличие от литературы, имеет дело с реальными событиями. И поэтому качественно отличается от последней. Однако связь между литературой и историческим письмом всегда была очень сильной. Остается она сильной и сейчас.

В следующей нашей лекции мы перейдем к основной теме курса, к истории практик, целей и методов историописания. И начнем мы этот рассказ с древнегреческих авторов, считающихся основоположниками современной западной историографической традиции.